

Дмитрий Фурман.

*ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ЕЁ ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ.*

Сейчас, через 12 лет после падения СССР и появления нового российского государства, уже совершенно очевидно, что Россия не может рассматриваться как «переходное» общество, идущее от коммунизма к демократии. Конечно, в большой временной перспективе все общества – переходные, откуда-то и куда-то. СССР, например, вполне можно в контексте истории русского народа рассматривать как общество, переходное от общества самодержавной к обществу постсоветской России. Такой подход не только имеет право на существование, но в определённых пределах может быть плодотворен. Но ясно, что он совершенно не достаточен. Русские и другие народы, входившие в СССР, действительно, «прошли» через советский период, «вышли» из него (иными, чем вошли) и продолжают жить и развиваться. Но сам СССР умер. СССР был живым организмом, со своими внутренними закономерностями функционирования и развития, со своим жизненным циклом, который завершился. И понятие советскую историю лишь из модели «перехода» невозможно.

Также недостаточна модель перехода и для понимания современной России. В большой исторической перспективе, конечно, это – переходное общество, как переходным обществом был и СССР. Российский народ «вошёл» в эту систему, как он раньше «вошёл» в советскую, и «выйдет» из неё существенно иным. Но вместе с тем, опять таки, как и СССР, постсоветская Россия – живой целостный организм со своей внутренней логикой функционирования и развития и своим жизненным циклом. В некотором роде Россия уже «перешла», в ней уже сложилась относительно стабильная и устойчивая система, хотя и совсем не такая, как в других европейских посткоммунистических странах.

Отличием этой системы от систем, сложившихся в других европейских странах, является то, что Россия – единственная европейская страна, в которой за весь посткоммунистический период ни разу не происходила ротация власти и в которой в ходе её эволюции возможность такой ротации не увеличивается, а уменьшается. В 2000 году мы были значительно дальше от возможности ротации, чем в 1996, а в 1996 – чем в 1993 и 1991 годах. Ясно, что это отличие – принципиальное и что логика развития этой системы – отнюдь не логика «перехода», постепенного изживания черт, унаследованных от коммунистического прошлого и приближения к западной модели общества¹.

Цель настоящей статьи – показать эту логику.

¹ Если исходить из важнейшего, «сущностного» признака – возможности или не возможности ротации власти, российская политическая система отличается от *всех* европейских посткоммунистических систем. Ротации произошли даже в Украине, Белоруссии и Сербии, хотя, естественно, в этих странах ещё нет установившейся системы ротаций, и в Белоруссии, например, после первой ротации сложилась авторитарная система, закрывшая возможность легального, конституционного прихода к власти оппозиции. По этому самому важному признаку российская система, несомненно, принадлежит к тому же классу систем, что и центральноазиатские, также исключающие конституционную ротацию власти.

Тем не менее, различия России и центральноазиатских стран – очень велики. В странах Центральной Азии (кроме прошедшего через гражданскую войну Таджикистана) при переходе от коммунизма к «посткоммунизму» фактически вообще не происходила смены власти и старая государственная система не была разрушена. В России всё же пришла к власти демократическая оппозиция. С определёнными оговорками можно говорить о российской революции 1991 года, в то время как узбекской или казахстанской революций вообще не было.

Зарождение системы.

Чтобы понять российскую политическую систему и причины её принципиального отличия от других европейских систем, необходимо рассмотреть ситуацию её возникновения, тот «зародыш», из которого она развилась.

Эта система возникла в результате кризиса и распада коммунистической системы, провала горбачёвской попытки её демократической «перестройки» при сохранении единого СССР, распада СССР и прихода к власти в России идеологически и организационно аморфного демократического движения во главе с первым президентом России Ельциным.

Ситуация гибели коммунистической системы, как и все подобные ситуации (например, гибели Российской империи) – альтернативная, заключающая в себе возможности различных исходов. И как возникновение на обломках Российской империи советского государства не может считаться единственно возможным исходом альтернатив 1917 года, так и возникновение на обломках СССР «ельцинско-путинской» постсоветской России не может рассматриваться единственно возможным исходом альтернатив 1991 года. Несомненно, были и другие возможности, как более, так и менее вероятные². Но в данном анализе мы исходим из реализовавшегося варианта – победы российских демократов во главе с Ельциным, которая сразу же резко ограничила «степени свободы», веер возможных векторов дальнейшего развития. В этой исходной ситуации уже были заложены все основные черты последующей эволюции и возникшей из неё нынешней развитой и относительно устойчивой системы.

Российское демократическое движение, победившее в 1991 году, было одним из множества антикоммунистических демократических движений, которые в этот период пришли к власти в странах, входивших ранее в Варшавский пакт и СССР. И его лозунги (рынок и демократия), идеологическая структура (аморфная, без единой целостной идеологии), социальный состав (основной «ударный отряд» – массовая интеллигенция), организационные особенности («движение», а не партия, создание которой в тоталитарном государстве было невозможно), методы борьбы (естественно, внепарламентские, но мирные) были близки к тем, которые были у аналогичных движений в других странах и диктовались общими условиями разлагающихся коммунистических режимов. Тем не менее, были некоторые особенности российского антикоммунистического движения, которые в тот момент не бросались в глаза, но затем, при его победе, привели к возникновению политической системы, принципиально отличной от систем других европейских посткоммунистических стран.

² Уходя в прошлое, в историю, события «застывают» и всегда представляются более закономерными, чем они являлись в реальности. Другие варианты истории кажутся не вообразимыми. Между тем, ясно, что в критические, переходные ситуации, когда старая система уже разваливается, а новой ещё нет, возникает громадный веер разных возможностей и исторический выбор может определяться совершенно случайными и субъективными факторами. причём совершавшие роковые выборы люди зачастую и не подозревают о его последствиях. Такие варианты развития событий 1991 года, как избрание российским президентом не Ельцина, как то, что никакого ГКЧП не было, или наоборот, свержение Горбачёва и ликвидация Ельцина каким-то иным, более решительным ГКЧП сейчас представляются нереальными. Но на самом деле всё это – совершенно реальные варианты, каждый из которых мог повлечь за собой совершенно не представляемую сейчас цепь следствий. Очевидно, ещё более «судьбоносной» альтернативной ситуацией было избрание Горбачёва.

Другое дело, что все эти многочисленные или даже бесчисленные варианты существовали в определённых рамках. И такой варианты, как переход России к демократии западного типа, в возможности которого были убеждены российские демократы, несомненно, был вне этих рамок

В идеологии российского движения не могли не отражаться не только общие условия коммунистических режимов, но и уникальные особенности российской истории и культуры. Демократические антикоммунистические идеологии во всех других странах могли изображать (в той или иной мере «приукрашивая» историческую реальность) коммунистическую идеологию и систему как привнесенные извне, русским завоеванием, как результат внешнего и насильственного искажения нормального хода национального исторического развития, а соответственно, демократию и рынок – как возвращение к национальной «норме». Векторы национализма и антикоммунизма, таким образом, везде, кроме России, более или менее совпадали, борьба с коммунизмом везде была борьбой за национальную самостоятельность и независимость, против инонационального (русского) диктата. В России такая идеологическая конструкция выглядела уж слишком неправдоподобно³.

Россия – единственная европейская коммунистическая страна, в которой коммунистическая система была полностью «эндогенной», не навязанной извне, а возникшей в результате победы великой русской революции. И коммунистическая система здесь не была связана с подчинением инонациональному центру. Напротив, именно при этой системе Россия становится ядром величайшей империи, достигнув небывалого в её истории внешнего могущества и подчинив себе, превратив в вассалов множество других стран. С другой стороны, в российской истории нет очевидной, ясной и сильной национальной либерально демократической традиции, к которой могли бы апеллировать демократы. В общенациональном пантеоне великих русских лица, в какой-то мере воплощающие эту традицию (например, Александр II, Милюков), вообще не занимают практически никакого места и даже стремясь найти какие – то исторические точки опоры для своей западнической и рыночной идеологии, российские демократы не могли найти никого лучше, чем авторитарных модернизаторов Петра I и Столыпина.

Векторы национализма и демократии в России, таким образом, расходятся. Очевидно, в значительной мере как компенсация этой слабости исторической базы и расхождения национализма и демократии, в идеологии русского демократического движения особо большую роль играла «рыночная мифология», идея, что переход к рынку и частной собственности быстро приведёт ко всеобщему материальному благосостоянию и послужит в дальнейшем основой для демократии. Эта идея создавала идеологическую санкцию для «временного» (ради конечного торжества демократии) использования неправых и недемократических методов⁴.

³ Попытки воспроизвести такую конструкцию, тем не менее, делались. Пропаганда демократов изображала Россию «эксплуатируемой» СССР и другими союзными республиками. Главный государственный праздник, годовщина провозглашения российского суверенитета даже именовался Днём независимости России. Но эта конструкция выглядела смешно и нелепо и название «День независимости» (от кого?) было предметом постоянных шуток. Сейчас День независимости переименован просто в День России.

⁴ «Рыночный романтизм» порождал тенденцию к романтизации «прорыночных» диктатур, специфическую именно для российских демократов популярность таких, безусловно, не демократических, но «прорыночных» исторических фигур, как Пиночет и Столыпин. Таким образом, изначально в идеологии русского демократического движения была заложена возможность санкционирования авторитаризма, как и санкционирования грабительской приватизации. Поскольку рынок и частная собственность создают основу демократии, не демократический переход к ним не воспринимается как противоречащий демократическим убеждениям.

В этих особенностях российской демократической идеологии, несомненно, проявлялись как сформированная всей российской историей «неправовая» психология, свойственная и российским демократам-западникам, так и своеобразное, не осознаваемое самими демократами, влияние марксистского экономического детерминизма. Этот детерминизм присутствовал в

Совпадение векторов национализма и демократического антикоммунизма создаёт основу для общенационального антисоветского, антикоммунистического и демократического консенсуса. Такой консенсус мы видим в этот период в центрально-европейских странах и странах Балтии, где разногласия связаны не столько с целями (стремление освободиться от диктата Москвы и «вернуться в Европу» было общим всем – от диссидентов до членов ЦК и от крестьян до академиков), сколько с формами и методами достижения этих целей⁵. В России такого общенационального антикоммунистического и национально-демократического консенсуса быть не могло. Социальный охват демократического движения был здесь значительно уже, чем в других европейских странах. Российское демократическое антикоммунистическое движение было движением меньшинства.

Массовую базу российского демократического движения составляла «низовая» интеллигенция, сосредоточенная в крупных «стратегически важных» городских центрах, прежде всего – Москве и Ленинграде. Это социально-активное меньшинство могло опираться на идеологически неоформленное, неопределённое социальное недовольство широких народных масс, настроения и установки которых, однако, были очень далеки от западничества и культа рынка российских демократов. Оно могло получать поддержку и у части правящей советской номенклатурной элиты, которая давно утратила веру в коммунистическую идеологию, стремилась избавиться от пут партийной дисциплины, завидовала западной элите, и «поставила» российскому демократическому движению его лидера – Ельцина⁶. Оно имело сильнейших союзников вне России в лице сепаратистских движений в СССР, антикоммунистических демократических движений Центральной Европы и в лице Запада. Это было очень сильное меньшинство, с очень мощными союзниками, которому противостояли разрозненные и деморализованные силы. Тем не менее, это было меньшинство, которое «по определению» не могло прийти к власти демократическим путём.

идеологии демократов как бы с «перевернутыми знаками» - общественная собственность мыслилась как источник всякого зла, для разрушения которого хороши едва ли не все средства, а частная, наоборот, как источник всего хорошего, для создания которого, опять-таки, хороши едва ли не все средства.

⁵ В слабой форме такой консенсус присутствовал даже на Украине, где в декабре 1991 года большинство населения на референдуме всё же одобрило независимость (пусть не совсем ясно представляя себе её следствия). В отличие от Ельцина Кравчук в Беловежье имел мандат от своих избирателей. Это изначальное отличие украинской ситуации от российской сказывается и дальше на различии украинской и российской постсоветской систем.

⁶ То, что во главе движения в России стоял представитель номенклатурной верхушки – особенность именно российского движения. Во всех прочих антисоветских и антикоммунистических движениях во главе были представители интеллигенции – диссидентской или диссидентствующей (Гамсахурдия, Тер_Петросян, Эльчибей, Чорновил, Позняк, Ландсбергис, Сависаар и т.д.), а антисоюзные номенклатурные руководители (типа Кравчука, Рюителя, Бразаускаса) выступали с роли союзников, но никак не лидеров демократов. Это, конечно, связано и с совершенно случайными факторами, но я думаю, всё же не совсем случайно. Другие движения оторгли бы такую фигуру, как Ельцин, а российское не оторгло именно в силу своей внутренней слабости и неуверенности в собственных силах, проистекающих из-за расхождения векторов национализма и демократии. Фигура Ельцина давала ощущение реальной силы, «народности». Безусловно, роль Ельцина в победе демократического движения трудно переоценить. С другой стороны, если все вожди – интеллигенты, при всех своих разнообразных пороках, были в той или иной мере идеалистами, «выносившими» свой антикоммунизм, то Ельцин мог руководствоваться только примитивными властными импульсами.

Ситуацией, отчасти приближающейся к ситуации прихода демократической оппозиции выборным путём к власти, было избрание в 1991 году Ельцина президентом России (и это же – ситуация, наиболее близкая к демократической ротации власти во всей русской истории). Однако, не говоря уже о том, что голосовавшие за Ельцина в большинстве своём совершенно не представляли его программу (да никакой внятной программы у него и не было, он использовал в то время все сколь либо популярные лозунги одновременно, не очень-то заботясь о логической непротиворечивости⁷), голосование за него не было голосованием за реальную верховную власть, принадлежавшую в тот момент Горбачёву. Ельцин был избран не как глава государства, а скорее как главный оппонент главе государства, который в то время начал казаться слишком мягким и нерешительным как сторонникам реформ, так и сторонникам «порядка». Как оппонент главе государства, защищённый народным избранием, придавшим ему легитимный статус, но не предоставившим ему реальную власть. Практически никому из голосовавших в то время за Ельцина не могло прийти в голову, что уже в течение этого 1991 года СССР распадётся, и он станет «настоящим» президентом «независимой России».

Приход демократов и Ельцина к реальной власти произошёл не в результате их победы на выборах, а в результате крайнего ослабления власти союзного руководства после августовского 1991 года «путча» ГКЧП, провал которого дал «зелёный свет» сепаратистским стремлениям союзных республик и захвату российским руководством «явочным порядком» всё новых функций, «ползучему» перевороту. Этот процесс завершился беловежским соглашением о ликвидации СССР, полностью противоречащим российским результатам референдума о сохранении СССР и желаниям российского большинства. Российское общество не только не дало «мандата» на беловежские соглашения, но и не было подготовлено к ним. Характерно, что несмотря на полную растерянность и деморализованность русского общества и неоднократно продемонстрированную затем готовность большинства россиян голосовать так, как указывает власть, Ельцин всё же так и не решился даже пост фактум легитимизировать беловежские соглашения каким-либо референдумом.

Особенность российской революции 1991 года, таким образом, заключалась в том, что движение, субъективно являвшееся в основном более или менее демократическим, пришло к власти недемократическим путём (и, будучи движением меньшинства, оно и не могло прийти к власти демократически)⁸. Именно эта своеобразная и даже парадоксальная ситуация и является тем «зародышем», из которого возникает российская постсоветская политическая система.

Становление системы.

Меньшинство, пришедшее к власти не правовым демократическим, а «явочным» путём, естественно, оказывается в ситуации, когда путь «назад», из власти, становится для него очень опасен. После беловежских соглашений

⁷ Значительное место в эклектическом наборе ельциновских лозунгов играл лозунг «борьбы с привилегиями номенклатуры», скорее эгалитаристский и созвучный настроениям народных масс, отражающий их социальный протест. Один их парадоксов российской революции 1991 года заключается в том, что в результате прихода к власти Ельцина и демократов именно номенклатура, превратившаяся в ходе приватизации в новую буржуазию, необычайно разбогатела, а привлечённые лозунгом «борьбы с привилегиями» массы обнищали.

⁸ При всех колоссальных различиях революций 1917 и 1991 года между ними есть одно и весьма существенное сходство. И в 1917, и в 1991 году к власти неправовым путём приходит меньшинство, которое после этого уже не может от власти уйти и должно создавать систему, делающую такой уход невозможным.

российское демократическое меньшинство и его лидер Ельцин фактически закрыли для себя путь к отступлению. Сама форма их прихода к власти исключала возможность становления «нормальной», лояльной системе оппозиции, передать власть которой неприятно, но не смертельно опасно. Лозунгами оппозиции отныне должны были стать не просто обвинения в неверной политике, а обвинения в разрушении государства, мандата на которое у правящей группы не было. Поэтому уйти от власти, допустить к власти оппозицию уже сразу после беловежских соглашений для Ельцина и его соратников означало, практически несомненно, пойти под суд и в тюрьму. Перед ними был только один путь – закрепления у власти, превращения своей власти в «безальтернативную».

Но такое закрепление меньшинства у власти неизбежно совершается столь же неправовым, или квази-правовым путём, как и сам его приход к власти. Таким образом, каждый шаг на пути закрепления у власти правящей группировки делает её уход из власти ещё более чреватым гибелью, ещё менее возможным. Если теоретически можно ещё представить себе Ельцина, ушедшего от власти сразу после Беловежских соглашений и не попавшего в тюрьму, то после приватизации и расстрела парламента в 1993 году это уже просто не представимо. Поэтому у Ельцина и его окружения был только один путь – не назад, а вперёд.

Таким образом, уже сами особенности российского демократического движения и его прихода к власти определяли вектор развития, сужали веер возможностей. «Безальтернативность» становится самой сутью возникающей системы. С самого момента своего зарождения она могла развиваться лишь в направлении всё большей безальтернативности, всё более прочного закрепления у власти президента, а затем – и его «династии», тех, кого будут назначать своими преемниками стоящие у власти президенты. В этой системе не могут сложиться неизменные «правила игры», при которых выигрывать, приходиться к власти могут разные силы, а наоборот, обеспечивается постоянство пребывания у власти одного лица (или его наследников) при меняющихся в зависимости от ситуации «правилах игры».

Но особенности исходной ситуации определили не только общий вектор развития (к безальтернативности), но и формы достижения этой безальтернативности. В исходной ситуации 1991 года, в «зародыше» было предопределено очень многое в последующей политической эволюции России и в сложившейся в ней системе.

Превращение власти победителей в «безальтернативную» не могло быть достигнуто путём открытой террористической диктатуры. Не говоря уже о некоторых ограничениях, которые накладывали на Ельцина и его соратников демократические лозунги, с которыми они пришли к власти (преувеличивать значение этих ограничений не стоит, планы перехода к открытой диктатуре обсуждались Ельциным и его окружением неоднократно, да и большинство российских «демократов» одобрили бы такую диктатуру как средство ускоренного перехода к рынку и предотвращения «коммунистического реванша»), для такой диктатуры просто не было достаточных ресурсов.

О военной диктатуре можно и не говорить – она была исключена хотя бы просто потому, что Ельцин – не военный. Но была исключена и партийная диктатура по типу советского режима. Демократическое движение было слишком идеологически аморфным, чтобы из него можно было создать дисциплинированную партию. Психологически интеллигенты-«демократы», выдвинутые революционной волной, отнюдь не были способны подчинить себя партийной дисциплине и возглавить партийно-государственный аппарат. Номенклатурный слой, только что освободившийся от коммунистической дисциплины, совершенно не хотел снова надевать на себя партийное ярмо.

Наконец, и сам Ельцин не мог стремиться к ограничению своей власти со стороны какой-то правящей партии. Был и ещё один, и очень важный фактор, препятствующий становлению открытой диктатуры - российская власть была в сильной зависимости от Запада, который не дал бы «полную» санкцию на открытую диктатуру⁹.

Это накладывало ограничения на выбор Ельциным и его соратниками методов «закрепления у власти». «Безальтернативность» должна была быть достигнута при сохранении демократической формы. Надо было добиться того, чтобы избиратели в относительно свободных (и главное, воспринимаемых как свободные) выборах и референдумах, при наличии формальной альтернативы, каждый раз и совершенно не зависимо от того, одобряют ли они действия власти, голосовали за действующего президента или за указанного им преемника. В других странах такая задача была бы просто невыполнимой, но в специфических российских условиях этот путь закрепления у власти был значительно более прост и естественен, чем путь открытой диктатуры. Что же облегчало этот путь, на что могли опираться Ельцин и его соратники при создании такой системы?

Прежде всего, Ельцину удалось быстро привлечь на свою сторону и консолидировать номенклатурную элиту, ранее расколотую на сторонников союзной власти, сторонников демократов и сторонников «гекачепистов». Средством нового сплочения элиты вокруг власти стала приватизация¹⁰. Естественно, что приватизация, проводимая «безальтернативной» властью, фактически находящейся вне общественного контроля, не могла не превратиться в «растаскивание» государственной собственности - прежде всего, естественно, правящей группировкой и теми её доверенными лицами, которые «назначались миллиардерами» (так называемой «семьёй»), но и элитой в целом. Как она и не могла не вести к резкому социальному расслоению, достигнутому в России совершенно не «западных» масштабов. Такая приватизация (естественно, проводившаяся таким же неправовым и квазиправовым путём, как неправовым или квазиправовым был путь к власти осуществлявшей её правящей верхушки, и все её действия по закреплению у власти) порождала переплетение государственного аппарата и нового класса крупных собственников и своего рода «круговую поруку» власти (получающей с собственников разного рода «административную ренту») и собственников (в обмен на выплачивание этой ренты получающих возможность не обращать внимание на законы), и общий интерес элиты в сохранении безальтернативной власти. Ведь приход в власти оппозиции неизбежно должен был вести к пересмотру результатов такой приватизации, что стало главным «кошмаром, преследующим в ночи» сформировавшийся класс российских крупных собственников. Внутриэлитарная борьба в такой ситуации фактически превратилась в борьбу за милость президента, за близость к главному источнику богатства, «доступ к телу».

Консолидация элиты, «повязанной» приватизацией – очень мощный источник силы новой власти. Но консолидация элиты ещё не достаточна для обеспечения безальтернативности власти в условиях всеобщего избирательного

⁹ Запад, боящийся прихода в России к власти коммунистической оппозиции, конечно, мог бы санкционировать и открытую диктатуру, как он многократно санкционировал различные антикоммунистические диктатуры в разных странах (и даже помогал им возникнуть). Но такая санкция могла быть дана только в самом крайнем случае, при разного рода оговорках и затем обязательно началось бы давление Запада, направленное на либерализацию и восстановление демократических норм.

¹⁰ Одновременно отодвигаются на задний план и «маргинализируются» первоначально игравшие видную роль в демократическом движении и среди соратников Ельцина представители «разночинной» интеллигенции и диссиденты. Символично, что если предшественником Ельцина в роли неформального лидера демократического движения был диссидент Сахаров, то его преемником на посту президента России – офицер КГБ Путин.

права. Правящая верхушка должна была обеспечить для себя поддержку «не элитарного» большинства населения, того самого большинства, которое в результате революции 1991 года и её политики не выиграло, а во всех отношениях проиграло.

По всем посткоммунистическим странам в 1993-4 годах прокатилась волна «реакций», положившая конец правлению радикальных национал-демократов, стоявших во главе антикоммунистических революций рубежа 80-х и 90-х гг. и приведшая к власти «умеренных» представителей перестроившегося коммунистического истеблишмента. Такая послереволюционная реакция – явление совершенно нормальное, поскольку революция всегда связана с завышенными ожиданиями и, соответственно, неизбежно влечёт за собой разочарование (полное или частичное). В большинстве случаев (кроме Белоруссии, Грузии и Азербайджана) это событие, происходившее в конституционных формах и рамках, положило начало ротациям власти, окончательно превратило власть победивших демократов во власть демократии.

В России оснований для реакции было значительно больше, чем в других странах. Мы уже говорили, что демократическая идеология была идеологией меньшинства, и что векторы национализма и демократии в России расходились. Если в других странах победа демократов означала приобретение самостоятельности, сопровождалась национальным подъёмом, то в России победа Ельцина нанесла страшный удар по русской национальной гордости, превратив страну из сверхдержавы в относительно небольшую и слабую. К этому надо прибавить, что психологическая готовность русских к капиталистическим порядкам была значительно ниже, что обнищание населения в процессе грабительской приватизации в России было большим, и разрыв между богатыми и бедными также стал значительно большим, чем в европейских посткоммунистических странах. Тем не менее, именно в России смены власти не происходит, а реакция скорее оказывается направленной против демократической идеологии и демократических институтов, крайне слабых и в значительной мере – изначально фасадных, чем против власти, использующей их в качестве камуфляжа. Парадоксальным образом реакция на революцию в России ведёт не к падению победившей в ходе революции группировки (как в других европейских посткоммунистических странах), а к укреплению её власти.

Весной 1993 года, в момент самого острого экономического кризиса, большинство на референдуме не только выражает доверие президенту, но и отдельно выражает одобрение его экономической политике. При этом, если результаты референдума по конституции в декабре 1993 года могут вызывать сомнения (вмешательство властей в его проведение и в подсчёт его результатов было явно очень большим), то весенний 1993 года референдум был, несомненно, «честным». Результаты референдума продемонстрировали всё своеобразие российского массового сознания и возможность для ельцинской власти достигнуть «безальтернативности» при сохранении демократических (квазидемократических) процедур.

Что же могло заставить российские народные массы голосовать за власть, при которой их жизненный уровень пал, при которой разрыв между богатыми и бедными достиг немыслимых размеров, и которая разрушила государство, чья мощь была предметом гордости русского народа? Чтобы понять, как это могло быть, надо принять во внимание ряд особенностей российского общества.

Россия не только за весь постсоветский период не сменяла власть демократическим путём, как это происходило во всех других европейских коммунистических странах. Она вообще никогда в своей более чем тысячелетней истории не сменяла власти демократическим путём. Только два раза в своей истории – с концом династии Рюриковичей и во время революции 1917 года Россия оказывалась без стабильной, традиционной авторитарной власти. И оба

эти периода – страшные периоды русской истории, периоды смуты, анархии, гражданской войны. Такая история порождает очень глубокие невротические страхи. Ситуация свободы, отсутствия единой и жёсткой власти, в которой Россия в 1991 году оказывается в третий раз в своей истории, ощущается народом как ситуация, грозящая кровавым хаосом, выходом наружу таящегося в нём и страшного для него самого его же собственного разрушительного потенциала. И поскольку переход власти к оппозиции воспринимается как чреватый гражданской войной, сама власть, откуда бы она ни «взялась», какую бы политику она ни проводила и к каким бы лишениям народа эта политика ни вела, воспринимается как меньшее зло. Меньшее – не столько по сравнению с её оппонентами, сколько по сравнению с анархией и гражданской войной, в которую неизбежно погрузится страна, если власть будет свергнута, если хотя бы на короткое время страна окажется без власти.

Удивительной, но вполне объяснимой в свете вышесказанного закономерностью российской политической жизни ельцинской эпохи было различие результатов дихотомических и не дихотомических голосований, прежде всего голосований на выборах в Думу. В голосованиях на выборах в Думу партии, поддерживавшие Ельцина и его политику, никогда не могли получить большинства. Большинство в обоих ельцинских думах было оппозиционным. Таким образом, политика власти чётко и недвусмысленно отвергалась большинством избирателей. Но выборы в Думу – это выборы, реальное значение которых, в результате бессилия Думы в российской политической системе, очень невелико. И избиратели, отвергавшие пропрезидентские партии и голосовавшие за оппозицию, несомненно, понимали это. Между тем все действительно значимые дихотомические голосования (референдумы апреля 1993 года, референдум декабря 1993 года и второй тур президентских выборов 1996 года) президент выигрывал. Избиратели, даже отвергая политику власти, в критических ситуациях избирают власть, как меньшее из зол. И они голосуют за президента, пришедшего к власти в результате революции 1991 года не потому, что разделяют идеалы этой революции, а наоборот – потому, что хотят как можно скорее и дальше от неё отойти.

Как мы уже говорили, альтернатива, которая реально вставала перед избирателями, была не альтернатива президента и оппозиции, а альтернатива власти и хаоса. Страх, который заставлял голосовать за власть, был не столько страхом, внушаемым оппозицией, сколько страхом самой ситуации перехода власти от одного властителя (который без боя её не отдаст) к другому, чреватой гражданской войной, призрак которой преследовал российское общество всё десятилетие 90-х годов и активно вызывался и использовался правящей верхушкой. Тем не менее, в этой ситуации и оппозиция приобретала своеобразные черты, объективно работающие на складывающуюся систему безальтернативной власти.

Когда у власти оказывается меньшинство, пришедшее к ней не правовым путём и таким же неправовым путём закрепляющее власть за собой, оппозиция естественно становится «революционной» (или «контрреволюционной»). Такой и была (в какой-то мере даже и есть до сих пор) наша главная оппозиционная сила – КПРФ, называвшая ельцинский режим оккупационным и скандировавшая на своих митингах: «банду Ельцина - под суд»¹¹.

¹¹ Мы не можем здесь вдаваться в анализ российской партийной системы. Отметим лишь, что наряду с сильной левой в России есть и слабая правая оппозиция. Если левая опирается на массовый протестный электорат, то правая скорее на либеральную и «фрондирующую» часть интеллигенции и новой буржуазной элиты. Возможности правых крайне ограничены, и ситуация, при которой их кандидат на президентских выборах более или менее «реально»

Однако, именно своей «революционностью» эта оппозиция объективно работала на власть, ибо усиливала страхи, связанные с возможностью её победы. Избиратели отлично понимали, что оппозицию, идущую на выборы под лозунгом: «Банду Ельцина – под суд», к власти никогда не допустят (это совершенно открыто говорилось и самими представителями власти), что в случае победы её на выборах всё равно власть ей придётся брать силой, что, одним словом, победа такой оппозиции означает гражданскую войну и поэтому лучше всё-таки проголосовать за власть.

Но в идеологии и политике оппозиции своеобразным образом отражаются не только протест народных масс, который не может принять «нормальную» демократическую форму и принимает форму «революционную», «экстремистскую», но и готовность масс принять «безальтернативную» власть, смириться с ней, их страх перемены власти. Внешний ультра-радикализм оппозиции прекрасно сочетается с готовностью к компромиссам и сделкам с властью. Лозунги «банду Ельцина – под суд» - с голосованием за бюджет и избирательными кампаниями, которые проводятся при несомненном понимании оппозиционными лидерами, состоящими в основном из представителей второго и третьего эшелонов номенклатуры коммунистического периода (ряд из них тоже воспользовался результатами приватизации), что к власти они не придут никогда. Естественно, именно такая – достаточно внешне страшная и радикальная, чтобы пугать избирателей, и достаточно компромиссная и вялая на деле оппозиция и нужна для сохранения «безальтернативной» системы.

В любой политической системе оппозиция и правящая сила обладают некоторыми общими чертами, связанными с природой самой системы. Лейбористы и консерваторы в Англии, республиканцы и демократы в США – части единых организмов, обладающие общими характеристиками и дополняющие друг друга. Российская «партия власти» и российская оппозиция также – части единого целого, обладающие общими характеристиками и дополняющие друг друга. Но дополняют они друг друга – очень своеобразно. «Партия власти» – такая, что она не только не хочет, но и не может уйти от власти, а оппозиция – такая, что и не может, и даже не хочет, к ней прийти.

Общее направление формирования российской политической (и шире – социально-политической) системы были уже заданы особенностями российского общества и его культуры и ситуацией прихода правящей группировки к власти, резко сузившей возможности последующего развития. Тем не менее, это не означало полной предопределённости этого развития.

Существовали (особенно вначале) возможности гибели ещё молодой, слабой, не оформившейся системы и перехода к каким-то иным формам политического устройства. Развитие системы можно сравнить с развитием любого живого организма. В начале система – слаба. Какие-то обстоятельства, «внесистемные воздействия», могут относительно легко уничтожить ещё не окрепший организм. Но, если система благополучно проходит через кризисы «детства и отрочества», она крепнет, становится устойчивой.

Но на ранней стадии своего развития система не только слаба. Она ещё и относительно «гибка», в ней нет достаточно жёсткой структуры. Каждый кризис, через который проходит «юная» система – это не только возможность её гибели. Это ещё и возможность разных путей благополучного для системы разрешения этого кризиса. Но каждая такая форма разрешения кризиса институционально закрепляется, придаёт системе новую и более определённую форму. Развитие

противостоял бы партии власти, не представима. Союз с левой оппозицией для правых, в силу идеологических и социальных причин, также исключён. Поэтому объективно правая оппозиция играет скорее роль «группы давления» и маргинальной части организационно пока ещё не оформленной «партии власти».

системы ведёт к приобретению ей устойчивости, но эта устойчивость достигается за счёт всё большей жёсткости, сужения степеней свободы при дальнейшей эволюции системы. Аморфность и неопределённость сменяется определённой и жёсткостью, а жёсткость постепенно переходит в склеротическую ригидность. В конечном счёте, наступает старость системы, когда она снова, но совсем иначе, чем на начальной стадии своего развития, становится слабой и неустойчивой¹².

Российская политическая система, возникшая в результате победы демократов и их вождя Ельцина в 1991 году, прошла через два острых и опасных для неё кризиса, в каждом из которых была как определённая возможность её гибели, так и возможность разных форм разрешения этих кризисов и соответственно – разных форм послекризисного существования и развития системы.

Первый из этих кризисов – *кризис 1993 года*. Это – прежде всего кризис «институционализации» системы, проявившийся в конфликте президента и парламента и нашедший своё разрешение в насильственном разгоне парламента, подавлении его сторонников и принятии конституции, придавшей жесткие институциональные формы авторитарной президентской власти (во втором государственном перевороте, произведённом Ельциным, если считать первым захват власти в результате беловежских соглашений¹³).

Возникновение такого кризиса было, очевидно, неизбежно. Фактически диктаторская власть президента не имела никакого адекватного институционального оформления. Конституция, при которой осуществлялась эта власть – это советская конституция, абсолютно не приспособленная для этой роли, куда были внесены разнообразные поправки, и которая в результате этого приобрела крайне противоречивый вид и, даже вне зависимости от иных политических обстоятельств, не могла не порождать постоянных конфликтов ветвей власти, компетенции которых не были ей достаточно определены¹⁴. Принятие новой конституции было необходимым и это само по себе представляло ситуацию альтернативную, допускавшую разные формы её разрешения (разные варианты конституции) и чреватую конфликтами.

Конфликт ветвей власти осложнялся и совершенно не определёнными отношениями центра и региональных властей, особенно – властей национальных республик в составе России, проявлявших естественные сепаратистские стремления. Коммунистическое и русское националистическое большинство

¹² Так в 1917-21 годах молодая советская система вполне могла быть уничтожена, хотя бы даже удачным террористическим актом, который устранил бы её главных вождей. Но после победы в гражданской войне это было уже невозможно. С конца 20-х по 60-е годы система – предельно устойчива. Это не значит, что в её развитии не было кризисных и альтернативных моментов, но эти кризисы и альтернативы не относились к существованию системы. Новая слабость коммунистической системы, уже не слабость молодого и неокрепшего, а слабость старого организма приходит позже.

¹³ Это также второй случай, когда власть в течение того же года, когда проводились референдумы, предпринимала действия, противоречащие их результатам. В 1991 году – это беловежские соглашения, противоречащие результатам референдума о сохранении СССР. В 1993 г. – этот разгон Верховного Совета и съезда народных депутатов, несмотря на то, что в числе четырёх вопросов, вынесенных на референдум апреля 1993 года был вопрос о досрочном роспуске народных депутатов, не получивший одобрения большинства.

¹⁴ Эти конфликты обостряли и специфические идеологические традиции России. Наряду с авторитарной самодержавной, доминирующей традицией, противоречащей принципу разделения властей, советский период оставил за собой и специфически демократически-популистскую традицию – «Вся власть советам», также очень мало соответствующую принципу разделения властей. Демократы в период борьбы за власть с союзным центром, сами активно использовали эту традицию, а затем, после их прихода к власти начавшую работать уже против них.

парламентской партии было неспособно использовать сепаратистские движения, как их использовали большевики в борьбе с «белыми» и затем Ельцин в борьбе с союзным центром. Но, естественно, что конфликт в центре создавал для региональных властей исключительно благоприятную ситуацию для захвата максимума полномочий (и собственности).

На конфликт президента и парламента (осложнённый конфликтами центра и периферии) накладывались и другие конфликты. В условиях колоссального обнищания населения и быстрого обогащения правящей верхушки депутаты парламента, теснее, чем бюрократия, связанные с народными массами, «аккумулировали» социальный протест и апеллировали к нему. Конфликт ветвей власти приобрёл аспект социального конфликта.

Был и ещё один аспект конфликта 1993 года. В ходе борьбы за власть Ельцин – лидер демократического движения, но всё же только «первый среди равных». Став президентом «независимой России», он становится «хозяином», а его «соратники», «товарищи по борьбе», привыкшие считать себя самостоятельными фигурами и почти равными вождю – подчинёнными, слугами. Это – всегда болезненная ситуация, также чреватая конфликтами.

Таким образом, конфликт 1993 года был сочетанием целого ряда наложившихся друг на друга конфликтов – это был конфликт ветвей власти, осложнённый конфликтом центра и регионов, это была форма проявления социального конфликта низов и правящей верхушки, и это был конфликт Ельцина со старыми соратниками (вице-президентом Руцким и спикером Хазбулатовым), вставшими во главе «парламентской партии». Все эти аспекты конфликта были закономерны, но их сочетание, формы, которые принял конфликт, и способ его решения зависели от множества субъективных факторов. Это была ситуация реального кризиса и определённого веера возможных альтернатив.

Каковы были рамки этих альтернатив и их относительные шансы? На наш взгляд, победа парламентаризма (в отличие от победы парламентской партии) и переход к системе ротации в число этих альтернатив не входили (как они не входили и в число реальных альтернатив 1991 года). Парламентская «партия» отнюдь не была партией парламентаризма. Это был очень пёстрый блок, в котором наряду с немногими более или менее демократически настроенными лицами, входили радикальные коммунисты и националисты, близкие к фашизму. Победа этой «партии», скорее всего, действительно, привела бы к той анархии, которую так боялось общество, и затем, вполне возможно, к какой-либо новой диктатуре, с иной, «реакционной» идеологической окраской.

Но и сама победа парламентской партии была, если не исключена, то очень мало вероятна. В это время уже образовался консенсус элиты, больше всего боявшейся перспективы передела собственности в результате смены власти. И в народных массах, при всей невыносимости их положения и при всём накопившемся в них протесте, были сильнейшее стремление к «сильной руке», которую в парламенте нельзя было увидеть «по определению», и к тому, чтобы как можно скорее вернуться к «порядку» после «смутного времени». Шансы на победу парламентской партии, таким образом, были не велики и, если победа парламентаризма и системы ротаций в число реальных альтернатив 1993 года, очевидно, просто не входила, то победа парламентской партии почти не входила.

Реальными альтернативами были более или менее решительные и радикальные формы победы президента и президентской партии. Эти альтернативы – в рамках складывающейся системы, но тоже достаточно значимые. Любой компромисс, ограниченная победа президента вели бы к становлению и закреплению в конституции более мягкой системы президентской власти, которая, возможно, создавала бы лучшие условия для последующего перехода к системе ротации. С другой стороны, были, очевидно, возможны и

более радикальные формы утверждения власти президента, например – с запрещением компартии.

Так или иначе, реализовалась одна из альтернатив – насильственный разгон парламента, временное заключение в тюрьму лидеров парламентского лагеря и принятие новой конституции, закрепляющей «царские» полномочия президента, делающей парламент бессильным (поэтому наличие в нём оппозиционного большинства перестало быть особо опасным) и перераспределяющей власть от регионов к центру. Кризис 1993 года был разрешён и система безальтернативного президентства получила адекватное ей институциональное и квази-правовое оформление.

Выборы 1996 года не могут рассматриваться как реальный кризис системы. Власть, естественно, очень нервничала и готовила «запасные варианты» перехода к открытой диктатуре, но фактически победа Ельцина была гарантирована и предрешена, и атмосфера кризиса в значительной мере создавалась сознательно, для нагнетания народных страхов. Новый реальный и острый кризис наступил в 1999 году. Это – кризис преемственности власти.

Как во всех кризисах, в *кризисе 1999 года* присутствовали и закономерные, «системные» элементы, и элементы чисто случайные.

Какой-то кризис, связанный с передачей власти, должен был рано или поздно разразиться. В любой системе, где нет чёткого и однозначного механизма передачи власти, как в монархических системах с определённым порядком престолонаследия или в демократических системах, в которых власть определяют выборы, передача власти всегда сопровождается кризисом и ожесточённой борьбой. В советской системе механизм передачи власти был значительно определённое и формализованное (избрание правителя на Политбюро, затем его утверждение, уже скорее ритуальное, ЦК и съездом партии), чем в постсоветской, тем не менее, каждый раз передача власти сопровождалась борьбой и расколами в правящей верхушке. В постсоветской же российской системе вообще отсутствовал какой-либо орган, хотя бы формально определяющий преемника. В новой конституции Ельцин, стремящийся к полной зависимости от него всей системы власти, ликвидировал даже пост избираемого вместе с президентом и поэтому относительно независимого вице-президента. Вторым лицом государства, к которому должна временно перейти власть в случае отставки или смерти президента, стал назначаемый и отправляемый в отставку самим президентом премьер-министр¹⁵. Это создавало колоссальную неопределённость и давало президенту практически неограниченные возможности в определении своего преемника.

С 1996 года начался второй и последний (по конституции) срок ельцинского президентства, и его резко пошатнувшееся здоровье не позволяло ему думать об изменении конституции и третьем сроке. Начались поиски преемника, что не могло не обострить борьбу «придворных» группировок, не вести к интригам и заговорам.

Ситуацию осложняло то, что президент очень долго не мог найти человека, которому мог бы довериться, про кого он был бы убеждён, что он гарантирует его

¹⁵ Это придаёт особое дополнительное значение должности премьера в российской системе, которая имеет как бы два аспекта – формальный, конституционный аспект назначенного президентом лица, проводящего его политику, и неформальный аспект преемника, что порождает возможные противоречия и конфликты, ибо человек мог устраивать президента как премьер, но не вызывать доверия как преемник. Естественно, что к концу второго президентского срока и в случае болезни президента этот второй аспект должности премьера выступает на первый план.

и его близких от судебных преследований или какой-либо внесудебной расправы. Проявлением этих метаний президента была чехарда премьер-министров, наступившая после отставки Черномырдина.

Такая ситуация не могла не вести к попыткам правящего слоя «самоорганизоваться», определить преемника президенту не зависимо от его воли. Возникла реальная угроза раскола элиты с одной стороны - на сторонников старого президента и того, кого он назначил бы в последний момент, с другой стороны - той его части, которая уже предприняла попытку самоорганизации и сгруппировалась вокруг не назначенной президентом кандидатуры (это была кандидатура Примакова, не вызывавшего доверия у президента и его окружения). Замаячила перспектива передачи власти не прямому наследнику и даже – реально альтернативных выборов. Объективно это могло бы означать переход к принципиально иной системе отношений власти и общества, значительно более близкой к правовым демократическим формам, к ротации власти.

Однако российская политическая система благополучно миновала этот кризис. Хотя и с некоторым запозданием, Ельцин и его «семья», наконец, определили преемника, выбрав человека, в то время очень мало известного не только в народе, но и в элите. Совершенно неожиданно Ельцин назначил его премьер-министром и затем подал в отставку, сделав, таким образом, исполняющим обязанности президента. К выборам Путин приходит уже как человек, обладающий всей полнотой власти, и побеждает уже в первом же туре¹⁶. Робкая попытка части элиты самоорганизоваться была пресечена «на корню». Народ с энтузиазмом проголосовал за нового президента, олицетворяющего возвращение традиционного авторитарного характера власти, её фактической полной независимости от народа (и даже от элиты). Низшие социальные слои, наиболее потерявшие от реформ и являющиеся носителями традиционалистского сознания, которые раньше голосовали против Ельцина, против власти, которая не воспринималась ими как «настоящая», легитимная, на этот раз проголосовали за власть, «признали» её.

Если кризис 1993 года привёл к институциональному закреплению и оформлению системы, то кризис 1999-2000 годов привёл к появлению и «апробации» механизма передачи власти, который, очевидно, будет использоваться в дальнейшем. (Теперь ясно, что преемник президента – это последний из назначенных им на втором сроке премьеров, а неудача попытки части элиты «самоорганизоваться» надолго пресекла такие новые поползновения). Одновременно, кризис 1999 года и его разрешение освободили систему от слишком большой связи с личностью её создателя, показали, что это – действительно *система* и тем самым усилили сознание её прочности и «безальтернативности».

Период расцвета.

Переход власти от первого президента ко второму означал вхождение системы в период расцвета.

Президент с самого начала своего правления пользуется колоссальной и устойчивой популярностью, настолько большой, что представить себе ещё большую популярность его или его преемника практически не возможно. Это –

¹⁶ Роль в победе Путина тёмных событий, связанных с началом второй чеченской войны, на наш взгляд, не следует преувеличивать. Вполне вероятно, что в этих событиях отражались страх стоявшей у власти группировки перед грядущими выборами и её стремление использовать внешний кризис для сплочения общества вокруг её кандидата. Но такое стремление было скорее «перестраховочным». Если Ельцин, который в начале 1996 года имел чуть ли не «минусовой» рейтинг, смог победить на выборах, то победа Путина (особенно после отказа Примакова участвовать в выборах) была совершенно гарантирована.

высший этап развития системы, её «золотое время», которое, очевидно, уже не повторится.

Колоссальная популярность Путина базируется на двух противоположных основаниях, непосредственно связанных с природой системы и наступившим этапом её развития. С одной стороны, Путин – назначенный Ельциным преемник и таким образом, «по определению» продолжатель и завершитель его дела. Он не собирается переходить к открытой диктатуре и говорит о развитии демократии, продолжает «рыночные реформы» и не намерен пересматривать основные результаты приватизации. Во внешней политике он проводит прозападный курс даже более последовательно, чем Ельцин, и активно вводит Россию в «семью цивилизованных наций», даже говоря о возможном когда-либо её вхождении в НАТО и ЕС. Поэтому те социальные слои, которые поддерживали революцию 1991 года и выиграли от её результатов и от приватизации, перенесли свою лояльность Ельцину на Путина. С другой стороны, Путин – антитеза Ельцину. Ельцин – революционер и «разрушитель». Как бы он ни пытался войти в роль традиционного русского авторитарного владыки, на нём лежала печать его «революционного самозванничества». Путин же – «созидатель», восстановитель порядка¹⁷. Его приход знаменует конец революционного периода. Поэтому, не потеряв старой ельцинской социальной опоры, Путин приобрёл и новую – тех слоёв, для которых революционный период – период утраты великой России, культурного шока и обнищания¹⁸.

Популярность Путина в какой-то мере снимает противоречие между реальной природой власти и её правовым демократическим фасадом. Реально назначение мало известного до этого Путина, сделанное Ельциным при консультациях лишь с ближайшим и неформальным «семейным окружением» – кульминация закрытости власти и её независимости от общества. Это показатель такой степени независимости главы государства от кого бы то ни было, какой не было ни у царей, ограниченных в своём определении преемника кругом родственников и затем законом о престолонаследии, ни у генсеков, ограниченных кругом Политбюро. Мотивы и механизм его назначения совершенно не известны, о них можно только гадать. (Ясно одно, что главным мотивом должна была быть убеждённость, что от Путина Ельцину и его семье ничего не грозит, но на чём эта убеждённость основывалась – не известно). Но одновременно выборы 2000 года – вполне реальные выборы и не может быть никакого сомнения, что большинство действительно добровольно проголосовало за назначенного ему президента.

И дальше самому Путину, во всяком случае, в первый срок его президентства удаётся сохранить это сочетание полной независимости власти и демократического фасада. Реальный механизм принятия решений при Путине стал абсолютно закрытым. Что на самом деле творится в Кремле сейчас известно

¹⁷ Психологически существует большой контраст между фигурой властолюбивого, неуравновешенного и не сдержанного «самодура» Ельцина, неоднократно напивавшегося в публичных ситуациях и подтянутого, не эмоционального. «истинного арийца с нордическим характером», офицера КГБ, не стремившегося к власти любой ценой, а скорее просто выполняющего служебный долг Путина. Этот контраст полностью соответствует различию ролей первого и второго президента, «разрушителя» и «восстановителя порядка». Очевидно, при назначении Путина Ельцин учитывал эти качества. Он искал не максимально похожего, но максимально непо похожего на себя преемника.

¹⁸ Безусловно, есть сходство роли Путина и роли Сталина на предшествующем витке спирали. Сталин – такая же «янусообразная» фигура – это верный ученик и продолжатель дела Ленина и одновременно антипод Ленину и «продолжатель дела» Ивана Грозного и Петра Первого, человек, восстанавливающий традиционный порядок после хаоса. И это сходство порождено более глубоким сходством самих режимов. Оба режима возникают как режимы победившего революционного меньшинства, которое уже не может уйти от власти и вынуждено превращать её в «безальтернативную». Разумеется, эта аналогия – ни в коей мере не тождество. На втором витке спирали всё во много раз «мягче».

меньше, чем это было известно при советской власти. Тем не менее, несмотря на постепенные ограничения, сохраняется относительная свобода слова, как-то функционируют партии, близятся парламентские выборы, в которых, несомненно, будет использоваться «административный ресурс», но предсказуемость их результатов всё же будет далеко не стопроцентной. И нет никаких сомнений, что народ также проголосует за сохраняющего свою популярность президента на выборах 2004 года.

Путин встаёт во главе уже созданной и доказавшей свою жизнеспособность системы. Объективно стоящие перед ним задачи – это задачи достройки, упорядочивания системы, ликвидации остатков революционного хаоса. Естественно, что эти достройка и упорядочивание могут производиться только по уже начертанному, обозначившемуся плану. Задача Путина – расширить сферу предсказуемой безальтернативности, ещё более укрепить президентскую власть, создав «властную вертикаль» и ликвидировав не зависящие от власти «центры силы».

Такие независимые от центральной власти, способные активно противодействовать власти и влиять на неё силы – это, во-первых, *«олигархи»*, то есть, лица, сколотившие в период приватизации колоссальные состояния и, во – вторых, *региональные элиты и власти*.

Состояния олигархов возникали при активном содействии президентской власти, в основном в обмен на различные оказанные ей услуги, но, приобретя их, олигархи стали относительно независимыми и некоторые из них даже пытались активно влиять на политический процесс, в том числе – и через подконтрольные им СМИ. Таким образом, олигархи представляют собой новую опасность для системы безальтернативной власти и новое препятствие на пути её развития. Их противодействие – это не противодействие старых, унаследованных от советской эпохи сил (ослабевших за годы безрезультатного и бесперспективного противостояния коммунистов и части старой демократической интеллигенции), а противодействие сил, порождённых самой системой. Поэтому оно даже более опасно для системы.

Но система обладает прекрасным средством контроля над олигархами. Так как все их состояния возникали не правовым или квази правовым путём (как проходила и приватизация в целом), власть имеет возможность совершенно по закону привлечь к ответственности любого олигарха (что всегда будет приветствоваться и народом).

Поэтому Путину удалось относительно просто, используя «квазиправовые» методы, избавиться от двух крупнейших, наиболее амбициозных и наиболее одиозных из них (Березовского и Гусинского), оказавшихся в результате в эмиграции. Одновременно передачей контролировавшихся ими СМИ под государственный контроль и контроль более непосредственно зависящих от власти и более лояльных к ней собственников он смог сделать СМИ более лояльными и «спокойными». Сейчас на наших глазах разворачивается борьба с третьим проявившим признаки политической самостоятельности олигархом, Ходорковским.

Региональные элиты, сформировавшие свои местные «партии власти» в эпоху Ельцина, не только добились большой степени самостоятельности, но и получили свой корпоративный орган – Совет федерации, членство в котором губернаторов и глав законодательных собраний субъектов федерации предоставляло им депутатскую неприкосновенность. Совет федерации, «сенат», состоящий не просто из депутатов, как Дума, но из людей, обладающих реальной властью, мог стать угрозой всевластию президента.

Путин вводит новый порядок формирования «сената», исключая из него региональные власти. В результате, как «сенат», в котором теперь заседают «представители» губернаторов и законодательных собраний областей (случайные

для регионов лица, выполняющие функции лоббистов), так и губернаторы, лишившиеся теперь неприкосновенности, становятся послушными президенту. Для контроля над местными властями создаётся система административных округов, в каждый из которых входят ряд «субъектов федерации», во главе которых встают назначенные президентом «наместники».

Особую проблему представляют инациональные, не русские регионы с реально или потенциально сепаратистскими тенденциями. В борьбе за власть с союзным центром, а затем – с парламентом Ельцин даже в какой-то мере поощрял эти тенденции (как в своё время борющиеся за власть большевики поощряли националистические движения окраин империи). Укрепление новой системы предполагает унификацию регионов и фактически – ликвидацию автономий. Вторая чеченская война, приведение законов республик в соответствие с российской конституцией и включение республик вместе с русскими областями в общие округа, в значительной мере ослабили на данном этапе опасность сепаратизма и способствовали усилению контроля центра над инациональными окраинами.

Важнейшей мерой, направленной на укрепление власти, но ещё не завершённой, является создание президентской партии. Ельцин приходит к власти как лидер существовавшего независимо от него демократического движения, которое теоретически могло оформиться в правящую партию. Но он понимает, что это только ограничило бы его власть и принимает роль беспартийного «президента всех россиян», дистанцируясь от попыток создать пропрезидентскую партию. Теперь, на новом витке спирали, власть снова стремится к созданию партии. Но если в начале российской политической эволюции – движение, которое выдвигает своего лидера в президенты и приводит его к власти, то теперь ситуация становится «зеркальной» – президент, пришедший к власти совершенно не зависимо от какой-либо партии, пытается создать партию для себя – как инструмент подбора кадров и контроля над ними. Естественно, это должна быть партия, единственным идеологическим принципом которой является поддержка президента, и большинство которой в парламенте должно быть таким же «безальтернативным», как «безальтернативно» большинство голосов, получаемых на президентских выборах действующим президентом или назначенным им преемником.

Процесс создания президентской партии далеко ещё не завершён и вполне возможно, и не будет завершён в период правления Путина. Но то, что движение идёт в этом направлении – очевидно.

Политическая культура страны меняется медленно и обладает колоссальной устойчивостью, проявляясь в ритме, «рисунке» смены разных политических систем и в чертах сходства между ними. Сейчас в российской постсоветской системе начинают всё более отчётливо проступать черты сходства с советской, как в своё время в советской, коммунистической, проступали черты сходства с системой российского самодержавия. В какой-то мере это даже осознаётся и находит своё символическое выражение в очень своеобразном и причудливом смешении царской и советской символики (мелодия советского гимна и двуглавый орёл, освещаемое священником красное боевое знамя со звездой и т.д.)¹⁹

¹⁹ Здесь, опять таки аналогия Путина и Сталина, который, восстанавливая порядок после периода революционного хаоса, одновременно частично восстанавливал и символику старого режима, эклектически соединяя её с символами революционной эпохи и марксистско-ленинской идеологии. При этом если Ельцин, особенно после 1993 года, активно использует царскую символику, особенно – периода позднего самодержавия («Дума», «Сенат», «Государственный

На протяжении двадцатого века Россия прошла через два глобальных идеологических, политических и социальных переворота. Но каждый раз в новых формах возрождались некоторые общие черты, и прежде всего – безальтернативность власти и её фактическая независимость от общества. Естественно, это не означает, что выйти за пределы такого рода систем Россия не может, но это значит, что переход к принципиально новой системе, при которой власть действительно выбирается обществом, системе, отвечающей нормам современной эпохи, для неё – крайне труден. В 20-м веке, на протяжении которого к демократической правовой системе ротаций перешли даже такие страны, как Турция или Тайвань, Россия совершить такой переход не смогла. Это – задача, которую российский 20-й век оставил 21-му.

Упадок и кризис системы.

Сейчас – период расцвета российской постсоветской политической системы. При втором российском президенте система приобретает черты законченности и стабильности, которая обеспечена, безусловно, до 2008 года, но, вполне возможно, и значительно дальше. В обществе не только нет никаких реальных политических сил, которые могли бы сейчас или в ближайшее время сломать систему, но пока не видно даже, откуда такие силы могли бы явиться. На ближайший исторический период система – действительно «безальтернативна» и будет лишь постепенно «совершенствоваться».

Однако, период максимального расцвета подобных систем – это всегда одновременно период начала их упадка. Сейчас признаки упадка почти не видны, но некоторые контуры будущего упадка и кризиса « в зародыше» всё-таки увидеть можно. Со временем же они станут проступать всё яснее. Что же ведёт к упадку и кризису системы и делает их неизбежными? Это – расхождение векторов развития общества и развития системы.

Последовательное увеличение степени свободы является главным и самым глубоким направлением современного развития. Поэтому переход к системе реальной демократии, то есть системе, при которой оппозиция может прийти к власти посредством демократических выборов является не просто субъективным пожеланием, а объективной целью, «энтелехией» развития. Естественно, что путь к демократии общества, исходной точкой развития которого была совершенно закрытая традиционалистская система, не имевшая даже той институциональной основы, которая могла стать базой развития демократии, какая была в средневековых западных системах (права сословий, ограничивающие монархию, выборные сословные институты, развитое право и т.д.), занимает очень большой исторический период и особенно труден и «извилист». Тем не менее, глубинное направление нашего и мирового развития совпадают. К демократическому строю мы шли и при царизме и при советской власти и продолжаем идти сейчас. Циклы советской и постсоветской систем – это относительно поверхностные процессы, а под ними, в глубине, идут совсем иные процессы, направление которых может быть прямо противоположным меняющимся направлениям циклического развития.

Реальные «достижения советской власти» – это то, что за советский период общество настолько изменилось и настолько продвинулось к демократии, что после падения советской власти возникла не новая, такая же тоталитарная система, а значительно более мягкая система, с большими элементами демократии, с более слабым, прикрытым и закамуфлированным авторитаризмом. Различия 1991 и 1917 годов и теперешнего 2003 года и двенадцатого года с

Совет», православие), то Путин восстанавливает и ряд советских символов (мелодия гимна, включение в официальный пантеон Дзержинского и Антропова, красное знамя в армии).

момента великой революции – 1929 –го, достаточно очевидны. И они говорят о том, как продвинулось за советские годы наше общество.

Естественно, оно и сейчас не стоит на месте. Меняется социальная структура общества. Постепенно исчезают наиболее традиционалистские социальные слои, прежде всего – традиционное крестьянство, психология которого, сформированная общиной, крепостным правом и затем – колхозной системой, несомненно, является важнейшим фактором, определившим нашу политическую культуру. Одновременно расширяются новые слои, условия жизни которых предполагают меньшую рутинность, большую самостоятельность личности, свободу выбора. Всё больше людей экономически становятся не зависимыми от государства, всё более укореняются «рыночные» и частнособственнические отношения и привычки. Российское общество всё более включается в мировую систему.

Поколение, воспитанное при советской власти, для психологии которого характерны страхи как перед властью, так и ещё больше – перед свободным выбором, который воспринимается как несущий угрозу анархии, естественным образом уходит. Новое поколение имеет уже иной опыт, воспитано в неизмеримо более свободных условиях. Для послесталинского поколения отсутствие массового террора стало нормой и именно поэтому оно могло стремиться к большему – к политическим свободам. Точно также для подрастающего сейчас поколения многопартийность, частная собственность, свобода информации, жизнь без тоталитарной идеологии, возможность поездки за границу – «нормальные» элементы мира, в котором оно родилось, то, что привычно с детства и воспринимается как норма. Для него поэтому естественно стремление к большему – к действительной демократии, основанной на реально альтернативных выборах власти.

Общество, таким образом, становится и будет становиться далее всё более «психологически раскрепощённым», «открытым», всё более способным осознать противоречие провозглашённых и в значительной мере даже принятых и усвоенных демократических принципов и реальности нашей политической системы, фактическую независимость от него власти и имитационный характер выборов. Одновременно оно становится и всё более готовым перейти к следующему этапу своего политического развития, к системе ротации власти. И как во время советской власти сами её успехи в модернизации общества приближали её кризис, ту черту, за которой дальнейшее развитие предполагало её слом, так и сейчас сами успехи нашей системы приближают черту, за которой дальнейшее развитие предполагает переход к новой системе, слом лежащей в основе нашей системы «безальтернативности». Политическая «оболочка» становится всё более тесной для развивающегося, растущего общества.

Но к кризису ведёт не только развитие общества, которое система допускает и в каких-то аспектах даже стремится ускорить, но которое имеет свою, не зависимую от системы внутреннюю логику, но и логика развития самой системы. Развивающееся общество будет всё более «давить» на политическую «оболочку». Но и эта «оболочка» будет «сжиматься», становиться более жёсткой и всё больше «давить» на общество.

Естественным стремлением власти является стремление ко всё большей безальтернативности и её распространению на все сферы политической жизни. Мы можем проследить, как от выборов к выборам президента эта безальтернативность «нарастает». В 1996 году выборы осознавались как альтернативные, приход Зюганова к власти – как реальная угроза (реальная безальтернативность достигалась созданием иллюзии опасной альтернативы). В 2000 году ни у кого уже не было сомнений в победе Путина. Тем не менее, люди голосовали за него и даже с энтузиазмом, ибо некая альтернатива – хаоса, анархии и т. д, всё же присутствовала в их сознании. Но ясно, что в 2004 году добиться

такого энтузиазма и активности избирателей будет значительно сложнее. И даже не в силу разочарования в президенте, а просто в силу осознания предрешённости результатов.

И это относится не только к президентским выборам. Сфера безальтернативности постепенно расширяется, от президентской власти безальтернативность постепенно «спускается вниз». Как вопрос о преемнике Ельцина реально решался им самим в узком кругу его близких, и это решение потом было лишь освящено народным избранием, так чем дальше, тем больше этот же механизм распространяется на выборы губернаторов, депутатов, мэров. Реальная альтернативность этих выборов перемещается в Кремль, который определяет, кто должен, а кто – ни при каких условиях не должен победить, что постепенно не может не осознаваться избирателями, народом. Безальтернативность выборов, их иллюзорный характер становятся всё более очевидными, выборы всё более будут напоминать советские выборы, превращаться в скучный ритуал изъявления лояльности власти. И именно здесь таится громадная опасность для системы.

Хотя психология, на которой основывается российская система, это психология в значительной мере традиционалистская, это уже ослабленный, подточенный традиционализм. При всех квази-монархических элементах нашей президентской власти лояльность к ней, признание её легитимности не может основываться на чисто традиционалистских принципах (наследственная власть от Бога). Она всё же основывается на выборах, которые осознаются как свободные и альтернативные. И уничтожение иллюзии выборов не может не вести к постепенной делегитимизации власти и всей политической системы.

У власти нет способов бороться с этим. Единственные средства – это создание искусственных «псевдокризисов», из которых возникает иллюзия альтернативности и сознательности выборов власти как меньшего зла. Но, во-первых, создание подобных подконтрольных кризисов (как показала та же чеченская война) – дело очень рискованное. Во-вторых, регулярность возникновения кризисов к выборам, роль власти в их появлении не могут в конце концов не стать осознанными обществом, что может лишь ускорить делегитимизацию власти. Таким образом, само естественное стремление верховной власти к укреплению своего положения, ко всё большей безальтернативности, и её успехи на этом пути объективно ведут к её ослаблению. Система сама постепенно «подпиливает» свои собственные корни. И лет через 20, когда уйдёт теперешнее поколение с его страхами и власти, и безвластия, эта делегитимизация должна достигнуть очень больших размеров, не меньших, чем делегитимизация коммунистического строя к концу советской власти.

Управление обществом властью, утрачивающей свою легитимность, становится всё более сложным и в конечном счёте – просто невозможным. Но трудности управления обществом будут нарастать и по другим причинам.

Распространение безальтернативности на все сферы управления обществом означает ослабление «обратных связей». Добившаяся полного формального контроля над обществом власть тем самым на деле утрачивает контроль, ибо она просто перестаёт знать и понимать, что происходит в обществе. К ней перестают во время поступать сигналы тревоги. Через подобранный и контролируемый парламент легко проводить нужные власти законы, но при таком парламенте очень трудно понять их возможные следствия. Посредством контроля над выборами, СМИ и опросами общественного мнения (именно сейчас власть ликвидирует неконтролируемый ВЦИОМ) она создаёт иллюзорный мир не только и не столько для народных масс, сколько для самой себя. При утрате

«обратных связей» кризис настигает систему неожиданно и тогда, когда пытаться справиться с ним уже поздно²⁰.

Сейчас невозможно (во всяком случае, для нас) предугадать формы этого будущего кризиса. Но само по себе его возникновение в течение жизни следующего поколения, на наш взгляд, неизбежно. Можно представить себе самые разные варианты развития событий, но представить сохранение теперешней российской системы безальтернативной власти в течение 21 –го века, в который мы вступили, совершенно невозможно.

Кризис российской социально-политической системы и другие кризисы.

«Кризис следующего поколения» вытекает из имманентной системе логики развития, его можно рассматривать, полностью абстрагируясь от любых внесистемных факторов. Но, скорее всего, с нашим кризисом более или менее совпадут по времени некоторые другие кризисы, которые произойдут в это время в других обществах и будут взаимодействовать с нашим.

Всё сказанное выше о российской системе игнорирует многонациональный характер российского государства. И это вполне возможно, поскольку природа нашей системы практически не связана с наличием внутри России инациональных анклавов, имеющих свою логику развития, лишь частично совпадающую с общероссийской.

На этом этапе власти удалось справиться с сепаратистской угрозой. Но не может быть никакого сомнения, что через некоторое время она возникнет вновь. Как в советское время незаметно шёл процесс создания готовых к самостоятельной жизни обществ союзных республик, так сейчас такие процессы идут в бывших автономиях. И для того, чтобы эти скрытые процессы вышли наружу, также нужна, очевидно, смена поколения, уход поколения, потерпевшего поражение в 90-е годы. И опять-таки, сами успехи власти ведут к будущим кризисам.

Советская власть смогла подавить движения лесных братьев в Прибалтике и бандеровских партизан в Западной Украине и обеспечить для стран Балтии и Украины годы спокойного развития, в течение которых они окрепли настолько, что при возникновении кризиса системы, смогли действовать целенаправленно, сплочённо и решительно, сыграть громадную роль в развале СССР и стать независимыми и жизнеспособными государствами. И если наша власть сможет успокоить Чечню и создать условия для её мирного развития, это также будет означать накопление чеченским обществом сил для будущего сепаратистского движения.

Чеченское и другие национальные движения могут или воспользоваться уже возникшим кризисом российской системы и усугубить его, или даже спровоцировать, ускорить этот кризис. Но какое –то сочетание этого внутрироссийского, «русского» кризиса с новым сепаратистским кризисом, я думаю, неизбежно.

²⁰ Вполне возможно, что мы уже видим зародыши и «модели» такого кризиса, связанного с утратой «обратной связи». Власть проводит жилищно-коммунальную реформу, не встречая реального «институционального» сопротивления. Вроде бы это – хорошо для власти, даёт ей возможность проводить реформу так, как она считает нужным и без помех. Но именно поэтому у неё нет возможности просчитать реальные следствия реформы. И вдруг она совершенно неожиданно для себя наталкивается на воронежские события. Подобные механизмы возникновения неожиданных угроз там, где вроде бы – «всё под контролем», мы видим повсеместно.

Будущий кризис должен, очевидно, совпасть и с критическим этапом в развитии отношений России с внешним миром. Сейчас развитие России полностью устраивает Запад, ибо никаких опасностей от России для западного мира не исходит и не предвидится. Режим справляется с задачей поддержания порядка на громадной российской территории. Россия – важный поставщик энергоносителей для западной экономики. Она – союзник Запада в борьбе с исламским экстремизмом. Кроме того, российские власти соблюдают некоторый необходимый минимум «приличий» во внутренней жизни. В этой ситуации западные стремления, чтобы Россия стала обществом западного типа, могут быть только совершенно «абстрактными». Но через какое-то время ситуация должна измениться.

Европа расширяется и в ней постепенно складывается единое государство. Сейчас её задача – «переварить» новых членов и перестроить европейские структуры, приспособить их к условиям новой, расширившейся Европы. Для этого нужно время. Но в двери Европы стучатся новые страны. Через какое-то время, наверняка, придётся принять Турцию. Всё более настойчиво будут проситься и в Европейский союз и в НАТО многие страны СНГ. Всё это неизбежно приближает момент, когда перед Европой и западным миром в целом встанет вопрос – что делать с Россией.

Россия не относится к тем громадным странам или группам стран (Китай, арабский мир, Индия, Латинская Америка, страны ЮВА), которые могут интегрироваться во всё более единое и организованное мировое сообщество лишь как целые регионы, «самостоятельные единицы» - *вместе* с западным сообществом, но не *в* него. Ясно, что вопрос о включении Китая в НАТО или ЕС не встанет перед странами Запада даже теоретически, перед ними может вставать лишь вопрос об их взаимодействии с Китаем в складывающейся общемировой системе. Но Россия – совсем другое дело. Для теперешней Европы Россия – слишком большой и не «перевариваемый» кусок. Но лет через 15-20 Европа станет больше, а Россия, во всяком случае, по населению, меньше. Перспектива включения России в европейскую систему станет реальной.

И в самой России стремление войти в эту систему должно расти. Иллюзии о возможности возвращения сверхдержавного статуса уже сейчас исчезают. Между тем перспектива оказаться «буферной зоной» между двумя гигантами – объединённой Европой и Китаем и между западным миром и беспокойным исламским миром – перспектива «удручающая». Не более радужна для России, отождествляющей себя с Европой, культурно ориентированной на неё, и перспектива стать «младшим партнёром» Китая.

Но вхождение России в европейскую систему не возможно при сохранении нами теперешнего политического режима. И дело не в желании или нежелании нас – войти в Европу, а Европы – «впустить» нас. Дело в том, что российская система безальтернативной власти и западные системы, основывающиеся на ротации, просто не соединимы.

Поэтому надвигающаяся и на нас и на западный мир ситуация «геополитического выбора» в отношениях Запада и России будет взаимодействовать с ситуацией нашего внутреннего кризиса и выбора дальнейших путей развития.

Кризис, вызванный чисто внутренними причинами, истощенностью жизненного цикла нашей системы, кризис, связанный с новой волной сепаратизма в нерусских регионах России и кризис окончательного «геополитического выбора», очень вероятно, совпадут во времени и «наложатся» друг на друга.

Я попытался дать, разумеется, очень эскизные и предварительные, описание и анализ нашей теперешней системы. Но сказанное выше не является попыткой «вынести ей исторический приговор», дать оценку её исторической роли. То, что данная система в «эволюционном ряду» различных политических систем занимает более «низкое» место, чем системы западного типа, основанные на борьбе за власть разных политических сил в рамках единых «правил игры» и ротации этих сил у власти, очевидно. Как очевидно и то, что её возможности развития и «срок жизни» ограничены. Но переход России в 1991 году (или несколько позже или несколько раньше) к демократической правовой системе, основанной на ротации, был, практически несомненно, невозможен, не входил в число реальных альтернатив этого периода. А из реальных альтернатив данная система – не лучшая, но и не худшая. Для России с её культурой, с её прошлым и со сформированной этим прошлым психологией народа данная система – «нормальный» исторический выбор. И в рамках, определяемых этим выбором, этой системой, вполне возможно общественное развитие, которое, в конечном счёте, должно привести к кризису и появлению более совершенной системы.

В течение некоторого времени, думается, в течение как раз тех примерно 20 лет, которые будут необходимы Западу для окончательной интеграции новых центрально и восточно-европейских членов западных союзов, «подтягивания» их к западной норме, российская политическая система может играть определённую «положительную роль». Она обеспечивает (естественно, временную) стабильность российского общества. Она даёт ему время привыкнуть к новым, относительно демократическим и рыночным условиям существования. При ней, очевидно, уйдёт из жизни поколение, воспитанное при советской власти и несущее на себе психологический груз тоталитарного и «сверхдержавного» прошлого, и сформируется новое, растущее в более свободных условиях и более способное разрешить объективно стоящую перед Россией задачу перейти к системе реальных выборов. За это время могут произойти определённые (не затрагивающие природы власти) институциональные реформы (военная, судебная, земельная, та же жилищно-коммунальная), подготавливающие переход к правовой демократической системе и облегчающие последующее вхождение России в западные союзы или те более развитые и интегрированные организации, которые придут им на смену.

Однако, переход к новой системе и включение России в западный мир неизбежно будет носить не только плавно эволюционный, но и кризисный, «революционный» характер. Такой переход не может не быть кризисным, как бы ни было к тому времени подготовлено к нему российское общество. Ведь ему всё же предстоит совершить акт, который оно вообще никогда раньше в своей истории не совершало – впервые самостоятельно избрать власть. Для российской истории это – даже более принципиальный рубеж, чем перемена идеологии или формы собственности.

Любой кризис – это появление нового веера возможностей, новой альтернативной ситуации. Основной альтернативой будущего кризиса, очевидно, будет не сам переход к системе свободных выборов и ротации власти, а форма этого перехода. Если в России к этому времени вызреет политическая сила, которая окажется способной преодолеть сопротивление «партии власти» и прийти к власти на каких-то будущих выборах (это, естественно, будут выборы, проходящие в обстановке ожесточённой борьбы и, скорее всего, не только пропагандистского характера), которая не будет пытаться закрепить за собой власть неправовым путём и поставит перед собой цель интеграции страны в западные системы, Россия сможет войти в них как единое целое²¹. Если же этого

²¹ Под Россией здесь подразумеваются этнические русские земли и земли тех народов, которые не проявляют сепаратистских стремлений и вряд ли будут возражать против «европейского

не произойдёт, кризис может принять форму дезинтеграции и распада страны, когда общероссийской «партии власти» будет противостоять не общероссийская «партия оппозиции», а отдельные регионы, более не подчиняющиеся лишенному легитимности центру, относительно малые размеры которых позволяют легче ввести систему ротации и облегчают для Запада задачу их интеграции. Интеграция в европейские структуры, очевидно, в любом случае неизбежна и истинная альтернатива – не интеграция или не интеграция, а интеграция как единое целое или «по кусочкам», частями.

С точки зрения Запада оба эти варианта равноценны. Угрозу для Запада могут представлять только те неизбежные элементы потери контроля и хаоса, которые, хотя при благоприятных обстоятельствах и могут быть сведены к минимуму, не могут вообще не сопровождать кризис. Для русских, естественно, предпочтительнее вариант интеграции при сохранении единства. Но то, как Россия будет интегрироваться в западные структуры, сохранится ли она, как единое целое и вообще – какие формы примет предстоящий кризис и каким будет его исход, зависит от множества факторов, предугадать действие которых сейчас невозможно. В том числе – и от осознания, как в России, так и на Западе, природы и внутренней логики российской политической системы, в которой в исторически обозримое время нам предстоит жить, и при конце которой и появлении новой, вероятно, будут жить наши дети.